

ИХ БЕЗУМНЕ

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Безумие

Мария Зайцева

Их безумие

«автор»

2022

Зайцева М.

Их безумие / М. Зайцева — «автор», 2022 — (Безумие)

Он – ее кошмар, Она – его одержимость. Они не могут быть вместе – слишком тяжело. Они не могут быть по отдельности – слишком больно. Они не понимают друг друга. Они... Любят друг друга? Это больно, это остро, это тяжело. Но это необходимо. Ей и Ему. Это началось с боли, кошмара, переродилось в одержимость. И закончится. Безумием. Одним на двоих. В книге присутствует нецензурная брань!

© Зайцева М., 2022

© автор, 2022

Содержание

1. Керри	6
2. Рэй	9
3. Керри	13
4. Рэй	15
5. Керри	17
6. Рэй	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Зайцева

Их безумие

Друзья!

Это история непростых, болезненных и очень ярких отношений.

Здесь будет:

- очень откровенные и иногда жесткие постельные сцены
- непростые и совсем не «няшные» герои
- нецензурная, но «запиканная» лексика
- много переживаний, очень эмоционально
- хэппи энд, само собой

Кто не любит:

- грубость
- жесткие постельные сцены
- нецензурную лексику

НЕ ЗАХОДИМ, ЧТОБ НЕ БЫЛО МУЧИТЕЛЬНО БОЛЬНО!!!

НЕЖНЫЕ ФИЯЛКИ – МИМО!

НЕ НАДО ЖРАТЬ КАКТУС!

ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ – ВЕЛКАМ!

ПРИСТЕГНУЛИСЬ...

И ПОЕХАЛИ!!!

1. Керри

Уокер молчит.

Керри, собственно, и не ждет душевной беседы после секса. Только не от него.

Он молчит, закуривая, выдыхая дым в потолок ее маленькой комнаты, и Керри думает, что запах опять впитается намертво в занавески на окнах, и тете нужно будет что-то врать...

Но, само собой, эти проблемы не заботят Уокера.

Его вообще, похоже, не заботит ничего, связанное с ней.

Кроме секса, конечно.

Он докуривает, поворачивается к ней, все так же, молча, тянет на себя.

Он жесток.

Не целует – кусает, оставляя приметные следы по всему телу, которые с трудом удается скрывать. Пока удается.

Не ласкает – мучает. Поворачивает подчиняющимися грубыми движениями так, как ему удобно, не заботясь о том, что она чувствует, хорошо ли ей, плохо ли? Больно или сладко?

Ему плевать.

Керри уже давно не задумывается над тем, кто она для него. Незачем ломать голову.

Зато она прекрасно знает, кто он для нее.

Ее кошмар.

Ее непрекращающийся кошмар.

Последние несколько месяцев она живет в таком кошмаре.

С таким кошмаром.

Иногда только вспоминая, с чего все началось, удивляясь самой себе.

Как она позволила? Как допустила?

Ведь чувствовала, ведь понимала...

Хотя...

Что она понимала тогда, оглушенная новой смертью в своей такой короткой жизни, новой реальностью, новым домом, новыми людьми?

Она автоматически улыбалась, вяло и извиняющееся, как-будто была виновата в том, что случилось. Как-будто она могла вылечить бабушку, но не сделала этого почему-то...

Как-будто это она сидела за рулем того грузовика, что три года назад унес жизни ее родителей.

Как будто это она, а не опека и родственники, приняла решение и подкинула ее мертвым грузом на плечи вечно занятой тетки, дальней родни, до этого виденной лишь единожды.

Конечно, лучше бы жить в общежитии, но среди года... О чем вы вообще?

Да и восемнадцать ей только исполнилось, до двадцати одного далеко, и дотация на содержание сирот неплохая, поэтому тетка возражать не стала и комнату в своем доме освободила.

Керри не противилась, потихоньку подбирая себе пути отступления, ведь для сирот и места в университетах могли быть. Хотя в тот, куда она хотела, поступить совсем не просто. Даже и по льготе.

Поэтому пока надо пересидеть и хорошенько подготовиться.

Она приходит в новый колледж, спокойной серой тенью, никого не заинтересовав, не вызвав ни в ком каких-либо эмоций. И радуется этому. Ей не нужны новые отношения с людьми. Ей нужно только спокойствие. Возможность выдохнуть.

Конечно, поначалу однокурсники недоуменно косятся, но, занятые учебой и личной жизнью, очень скоро перестают обращать на нее внимание.

Керри учится, записывается на несколько дополнительных занятий, в том числе и спортивных, потому что, увлекаясь когда-то в другой, счастливой жизни, художественной гимнастикой, соскучилась по интенсивной физической нагрузке.

В библиотеке колледжа, где она стала частой гостьей, висит объявление о поиске помощника.

Теперь у нее есть свой уголок, куда можно забиться и тихонько посидеть, наслаждаясь любимыми книгами. Улетая в другой иллюзорный мир.

Загрузив себя всем, чем можно, Керри возвращается в свой новый дом только ночевать, что всех полностью устраивает.

* * *

Занятая собой, своими переживаниями, Керри не особо обращает внимание на происходящее вокруг, не замечая никого.

Зато ее все-таки замечают.

В первый раз натолкнувшись во время обеда в столовой на тяжелый изучающий взгляд Уокера (она тогда не знала, кто это такой), Керри даже не задумывается. Даже не отмечает для себя ничего.

Все, как всегда, проплывает мимо.

Мыслями она там, в маленьком библиотечном закутке, где ждет ее недочитанная книга.

На следующий день Керри сталкивается с Уокером возле шкафчиков. Она, мимолетно все-таки удивившись тому, что раньше никогда его здесь не видела, достает учебники, осторожно косясь на темную мрачную фигуру, застывшую неподалеку. Он ковыряется с дверцей. Никак не может открыть?

Керри идет на урок, так и не увидев, что парень, бросив возню с замком, шагает за ней.

– Мне книгу, – Керри поднимает глаза на посетителя, вопросительно изогнув бровь, ожидая продолжения заказа.

Но Уокер молчит.

И смотрит. Тяжело смотрит, выжидаяще.

От всей его фигуры, высокой и худощавой, упрямой в безразмерное грязноватое худи с надвинутым до глаз практически капюшоном, веет чем-то непонятным, никак не осознаваемым.

Керри только много позже понимает, чем.

Опасностью.

Молчание затягивается, натягивается, как готовая лопнуть нить, и Керри, чуть вздрогнув неизвестно отчего, решает уточнить:

– Какую? Поконкретнее, если можно.

Уокер молчит минуту, Керри смотрит уже с недоумением. Правда не в глаза, глаза прячутся в тени капюшона, и ловить их отблеск почему-то страшно.

– Про... компьютеры.

Керри сильно сомневается, что у Уокера есть компьютер дома, хотя... Что она о нем знает?

Поняв, что больше ничего от него не добьется, девушка кивает и идет из-за стола, разыскивая нужный раздел.

В библиотеке вечером никого нет, Керри уже собиралась домой, даже ключи приготовила. Сейчас она что-нибудь ему всунет в руки, спровадит, и, наконец, останется одна. Может, чуть задержится даже, почитает...

Занятая своими планами, она перебирает книги и не замечает, что Уокер, вместо того, чтоб послушно ждать у стола, идет за ней.

Тихо, мягко ступая, он останавливается прямо за ее спиной, нависая, закрывая проход назад, к освещенной середине комнаты.

Керри осознает, что рядом кто-то есть, только когда ощущает тяжелое дыхание на своей шее.

Она резко вздрагивает, сердце тяжело бухает в грудную клетку, ноги становятся ватными. Керри не двигается, боясь обернуться, до ужаса боясь увидеть того, что молча стоит за ее спиной, придвигаясь все ближе.

Может, если стоять не шевелясь, не реагируя никак, то он уйдет?

Но он не уходит.

Наоборот, придвигается, уже нависая над ее сжавшейся в ужасе фигуркой. Тяжелая рука накрывает ее вцепившиеся в полку, побелевшие от напряжения пальцы, он возбужденно дышит ей в затылок, он...

Он что, нюхает ее волосы?

Керри не может больше терпеть, не может делать вид, что ничего не происходит. Она оборачивается резко, мазнув его прядями волос по лицу.

Боже, как же он, оказывается, близко. Просто недопустимо близко!

Она невольно делает шаг назад, в глубине души понимая, что это не выход, что он не должен видеть, до какой степени она испугалась.

Глубинным инстинктом жертвы девушка осознает, что не стоит делать резких движений, что надо как-то отвлечь, заговорить возможно.

Она по-прежнему не поднимает на него глаз, ее взгляд находится где-то в районе его горла, смотреть выше просто страшно.

– Я... – облизнув пересохшие губы, начинает она, но Уокер тут же ее прерывает, резко двинувшись вперед, перехватывая поднятую в беспомощном защитном жесте руку, притягивая к себе и грубо впечатываясь в ее губы.

Керри застывает в ужасе, не отвечая сначала, не реагируя. А потом начиная брыкаться, отталкивать, протестующе мычать.

Уокеру плевать на ее смешное копошение в своих руках, он только углубляет поцелуй, играя с ней совсем уже бесцеремонно, пресекая попытки вырваться, попытки крикнуть.

Он прекращает ее целовать, только когда сам этого хочет.

С минуту все так же молча глядит на испуганную растрепанную девушку своим темным нечитаемым взглядом, затем разворачивается и выходит из библиотеки.

Керри буквально в ту же секунду отказывают ноги, и она опускается без сил на пол, в растерянности разглядывая книги, валяющиеся на полу.

Книги по информатике, как он и просил.

2. Рэй

Кукла.

Вот что Рэй думает, когда впервые видит ее в столовке.

Большеглазая анимешная кукла с короткими растрепанными волосами и тонкой, изящной фигуркой.

Она сидит за столом, о чем-то задумавшись, уставившись в пространство перед собой.

Хрупкая и одинокая.

Ее хочется *приласкать*.

Странное слово, возникшее в мозгу. Слово, никак не подходящее к его жизни.

Рэй смотрит, смотрит, не может взгляд отвести.

Худое, бледное лицо, светлые огромные глаза, какая-то болезненная изящность, как у сломанной куклы. Он представляет, как бы она дрожала в его руках, как расцветали бы на белой коже красные следы от грубых пальцев, как налились бы кровью губы от поцелуев...

В этот момент девушка поднимает глаза и встречается с ним взглядом.

Рэй чуть не дергается, словно на горячем поймали, словно она его мысли могла прочесть.

И прочитала. И, испугавшись зверя, резко вскакивает и, подхватив сумку, бежит прочь.

А он так и остается сидеть, провожая глазами немного угловатую, грациозную фигурку, худенькие ножки в красных кедах...

Затем резко поднимается и выходит, не замечая, как испуганно расступаются перед ним однокурсники. Привык за столько лет.

Мысли о девчонке-анимешке не оставляют ни на секунду.

Даже дома, привычно нарычав на собутыльников папаши, устроивших веселье на грязной кухне, так же привычно увернувшись от пустой бутылки, которую старый мудака очень прицельно запустил ему в голову, он думает о ней. Завалившись на старую кровать в комнате и закулив, Рэй нашаривает под матрасом записку, банку пива, открывает, отхлебывает, морщась от мерзкого вкуса теплого пойла, выдыхает и закрывает глаза.

Девчонка стоит перед ним, соблазнительно одетая, прямо как сегодня в колледже, в блузку с юбкой до колен и красные кеды. Стоит и смотрит. Улыбается. И медленно расстегивает пуговички на строгой блузке.

Охренеть...

Рэй глубоко затягивается и дергает болты на джинсах.

* * *

Девчонку зовут Каролина. Керри. Она учится полный день и потом остается на факультативы. Еще на гимнастику ходит.

Он все про нее узнает, особо напрягаться не требуется. Спросить там, послушать здесь.

Приехала недавно, живет у тетки, больше родных нет.

Он знает, где она живет, знает, что подрабатывает в библиотеке. Любит читать, остается там иногда даже после закрытия. А потом идет домой в темноте. По их не самому благополучному району. Хрупкая девочка-тростинка.

Рэй все чаще ходит на занятия, даже папаша удивляется и ржет, что недоумок решил мозги у себя найти.

В автомастерской, где Уокер подрабатывает, чтоб было на что покупать жратву, неожиданно с пониманием относятся к его тяге к знаниям. По крайней мере, соглашаются перенести часы работы на вечер.

Выясняется, что у них с Керри есть парочка совместных уроков. Это хорошо. Рэй садится на заднюю парту и все занятие не сводит с нее глаз. И не может понять, что такого в ней? Что так цепляет?

Почему только о ней думает?

Почему ее в снах видит?

Почему ее хочет?

До боли, до темных пятен перед глазами?

Словно с ума сошел в одну секунду. Помешался.

Может, по наследству его поганому какая зараза передалась? Может, он в мать? Говорил же старый скот, что порода у него не уокеровская, что на мать похож и лицом и характером.

В отличие от брата, Шона.

Тот да. Тот, бл*, Уокер. Натуральный. Самой херовой, первой прогонки.

Бросил его, гад, одного.

Мысли о брате привычно будят зверя.

Рэй опускает глаза, стараясь унять себя, не пугать учителя и однокурсников бешеным, диким взглядом.

А затем опять упирается в худую напряженную спину девушки с темными, короткими волосами, непослушными кудряшками падающими на острые плечи.

Наваждение, бл*. Одержимость.

* * *

Как-то в автосервис к нему забегают Мисси, привычно лапает за задницу, подмигивает на продавленный диванчик в углу мастерской.

Но Рэй, ни слова не говоря, вышвыривает девку прочь, хотя раньше от бесплатного секса не отказывался. А здесь как отрезало. Только блевать тянет от одной мысли о том, что засунет член в эту потаскуху.

Дома все так же весело, и даже еще веселее, потому что папаша решил остепениться и привел на постоянное место жительства известную всему городу шалашовку.

И даже каркнул, что она теперь Рэю вместо матери будет. За что тут же огреб от взбешенного сына ремнем с металлической пряжкой по роже.

Уокер стоит над матерящимся скулящим телом, дышит, успокаиваясь, смотрит на визжащую подстилку так, что та затыкается моментом, а затем уходит к себе.

Отца он давно уже не боится, лет с тринадцати, когда впервые дал ему сдачи. Смотрит с омерзением, как на таракана. Сдерживается, чтоб не раздавить, прекрасно понимая, что пойдет тогда к Шону в тюрьгу.

Но иногда сил не хватает. Вот как в этот раз.

Заначки под матрасом не обнаруживается. Похоже, папаша порылся, говнюк старый.

Рэй заваливается на кровать, прикуривает, привычно перебирая воспоминания в голове.

Он опять сегодня сидел с ней в одном классе, смотрел. Облизывал взглядом напряженную спину, скрещенные под стулом изящные ступни. Она поводила плечами, ежилась. Но не оборачивалась. Может, вообще его не замечала.

Она мало кого замечала, девочка Керри. Училась, работала, занималась спортом.

А вот ее очень даже замечали.

И не только он, Рэй.

Всю неделю он с диким бешенством ловил масляные, настойчивые взгляды парней из класса, направленных на его куклу.

Это она ничего не видела.

Он видел. И зверел. И понимал, что надо что-то делать, потому что еще чуть-чуть – и придется ее силой отбивать. В принципе, он был не против, но только Керри пока что была не в курсе.

Что она – его.

И вполне могла повестись на какого-нибудь мажористого придурка. Мочи его потом в унитазе... А вдруг он ей понравится?

Мысль, что его Керри может обнимать кто-то другой, привычно отдает безумием. В такие моменты Рэй забывает, что девчонка еще не его, что она, может, вообще ничего с ним общего не хочет иметь.

Все происходящее напоминает какой-то бред, дикость.

Но это безумие сладкое, таким сладкое! Особенно, когда Рэй закрывает глаза и представляет ее, тонкую, изящную, рядом с собой. Представляет, как целует ее, какие у нее губы на вкус, как она стонет, дрожит, гнется в его руках...

В такие моменты забывается все. Окружающий дерьмовый мир. Полная безнадега, беспросветность в будущем. И кажется, что вот оно, тепло, совсем рядом.

В руках маленькой большеглазой девушки.

* * *

В библиотеку Рэй прется исключительно по дурости.

Накануне опять пялился на нее в столовке, опять спалился. Но взгляда не отвел, продолжал смотреть, пока кукла удивленно таращила на него глаза. Похоже, только сегодня и заметила его, раньше в упор не видела.

Потом заметил, что Керри разговаривает с каким-то говнюком недалеко от шкафчиков, подошел ближе, услышал, как она приглашает невзрачного очкарика в библиотеку, чего-то про книжки затирает.

А тот, довольный, ни разу ей в лицо не посмотрел, гнида. Только на титьки пялился. И кивал, паскудина, кивал, радостно так.

Конечно, до библиотеки смертник в тот день не дошел. Встретил за углом очень злого Уокера, получил по очкам.

А Рэй на психе рвется выяснять отношения с ни о чем не подозревающей Керри.

Вот только уже в самом помещении притормаживает, растеряв весь запал. Может, стены повлияли, хер его знает.

Библиотека уже закрывается, его кукла совсем одна.

Рэй, припомнив неудачливого героя-любownika, осознает, почему тот решил прийти так поздно. Не иначе, рассчитывал как раз застать миленькую библиотекаршу одну. Злость опять накачивает, заливая глаза красным, еле сдерживается, осознавая себя уже перед стойкой, плящимся на немного испуганную Керри.

Выдавливает пару слов, сам не понимая, о чем.

Она отшатывается, словно черта увидела, уходит в глубь помещения.

Рэй, даже не задержавшись, шагает следом.

Керри стоит возле стеллажей, задумчиво перебирая книги, явно собираясь что-то ему всучить.

Она чувствует, что он рядом. За спиной. Замирает, вытянувшись струной. Не оборачиваясь.

А Рэй...

Не может сдержаться, одним шагом преодолев расстояние, нависнув над съжившейся девушкой. Ее пальчики на стеллаже до того хрупкие и ломкие, что накрыть их своей лапой, сжать – вопрос одной секунды.

Рэй наклоняется, обволакивая худенькую фигурку собой, вдыхает запах ее волос, нежный и будоражащий. Рот мгновенно наполняется слюной, дышать становится тяжело, до того хочется попробовать ее на вкус.

И, когда Керри, резко развернувшись, поднимает на него испуганный взгляд и начинает что-то говорить, он не выдерживает. Дергает на себя и с наслаждением впивается в полуоткрытый рот. Керри, жалобно пискнув, дергается, пытаясь вырваться. Но Рэй лишь сжимает ее сильнее, фиксируя одной ладонью затылок, а другой неторопливо и обстоятельно ощупывая свою добычу.

И ух, как ему все нравится!

Это в сто раз круче, чем в мечтах!

Керри вкусная.

Свежая, нежная, сладкая. Ее смешное сопротивление заводит, заставляет звереть, терять последний разум, рушить оставшиеся границы. Она не понимает, что делает хуже себе, змейкой извиваясь в его руках. Конечно, ни о каком ответе на поцелуй можно было и не мечтать, но Рэю хватает и того, что он получает. Даже чересчур. Потому что еще минута, и от внезапного секса прямо на полу библиотеки девчонку ничего не спасло бы.

И Керри, словно осознав это, покорно обмякает, не сопротивляясь больше. Такая реакция немного приводит в чувство. Рэй секунду стоит, разглядывая тонкое испуганное лицо девушки, затем с видимым сожалением убирает от нее руки.

И уходит.

И только дома осознает, что, похоже, свой шанс в будущем на секс с этой куклой он просрал.

Накинулся на нее, как зверь, напугал. Надо было тогда уж до конца идти. Забрать ее себе, получить от девчонки все, что можно. Кайфануть. А потом сразу в полицию. Привет Шону от папаши передавать. Лично, бл*.

Надо же, какая херня происходит!

Он-то всегда думал, что сядет за то, что старого урода, наконец, успокоит.

Кто мог знать, что на пути его встретится тонконогая куколка, и совершенно отшибет мозги?

3. Керри

На следующий день у нее болит прикушенная губа и нервно дергаются руки при каждом хлопке открывающейся библиотечной двери.

Она не может понять, что это было, что ему надо от нее.

Она не самая красивая, не самая веселая...

Она – совершенно не та, что нравится парням. Наоборот, она – средоточие всего, что может парня отпугнуть. Она – типичный синий чулок, мечтающая быть как можно более незаметной и тихой. Может, тогда мироздание отведет от нее свое око и перестанет испытывать?

И неожиданное и ненужное ей внимание этого пугающего парня она тоже воспринимает, как испытание.

Керри уже выяснила, что он такой, Рэй Уокер. Она все знает про его неблагополучную семью, про брата, даже не окончившего старшую школу, потому что его прямо в школьном дворе арестовали за распространение наркотиков.

Про его неуспеваемость и непосещаемость.

Про драки.

Про приводы в полицию.

Про то, что учится он здесь исключительно по дотации от штата, потому что сирота, как и она. Живет с отцом, давно лишенным родительских прав.

Про дикий, опасный, непредсказуемый нрав, из-за которого даже отпетые драчуны и задиры предпочитают с ним не связываться. Ведь никто не хочет неожиданно получить кастетом по лицу, или табуреткой по голове (и это только из известных случаев!). Людей, бешеных и непредсказуемых, таких, как он, обходят десятой дорогой.

Керри полностью с этим согласна. И готова обходить десятой дорогой.

Только Уокер не из тех, кто спрашивает разрешения, прежде чем приблизиться.

Он исправно ходит в колледж пугая этим учителей и однокурсников, ест в столовой, один за столом, никто не решается подсаживаться.

Он возникает на ее пути подозрительно и жутко часто.

Он смотрит.

Не отрываясь, внимательно, без улыбки, без усмешки.

Так, что дрожь продирает.

Так, что губы, словно вспомнив его вкус, начинают ныть.

Керри предусмотрительно старается сократить до минимума любую возможность его приближения к ней. Отворачивается, когда видит его возле шкафчиков или в коридоре.

Упорно не смотрит в ответ, когда он сверлит ей спину взглядом на совместном уроке современной литературы.

Не обязательном уроке, Керри уверена, что он записался специально, из-за нее.

Она старается с ним не пересекаться.

Жаль только, что у него другие планы.

* * *

Он заступает ей дорогу на выходе из спортзала, резко тянет за руку с темную нишу под лестницей.

Керри не успевает крикнуть.

В этот раз он позволяет себе больше, не просто целуя, жадно и напористо, но и забираясь грубыми руками под юбку, подхватывая, впечатывая в стену, трогая ее везде настолько бесцеремонно, что становится совершенно невозможно дышать, сопротивляться, думать.

Керри только тихо и жалобно стонет, когда он, не прекращая терзать ее губы, просто рывком сажает к себе на талию, опять больно прикладывая спиной о стену, и ритмично вжимается пахом, рыча сквозь поцелуй.

Эти животные грубые движения отзываются чем-то непонятым и диким внутри нее, по телу, и так взбудораженному непрошенными ласками, проходят волны дрожи, низ живота каменеет болью.

Уокер, легко держа ее на одной руке, другой дергает ремень своих джинсов, и Керри кричит внутренне от ужаса, понимая, что еще чуть-чуть и он возьмет ее в этой грязной темной нише, силой возьмет, не давая даже шанса на побег!

Но мироздание как-будто отвернуло от нее прищуренное око, потому что Керри сквозь грохот крови в ушах слышит голос учителя физкультуры, зовущего ее по имени.

Кажется, она что-то забыла в зале.

Уокер тоже это слышит, поэтому останавливается, тяжело дыша, не выпуская ее из рук.

Керри, воспользовавшись его промедлением, открывает рот, чтоб позвать на помощь, но не успевает. Крепкая широкая ладонь намертво запечатывает ей губы, глаза в темноте горят дико и страшно.

Уокер жестом приказывает ей молчать.

Керри молчит.

Молчит и резко дергается из его рук, вырывается, бежит прочь, спотыкаясь, оправляя на ходу юбку, пытаясь привести в порядок перекрученный напрочь лифчик, приглаживая встрепанные короткие волосы.

Она уверена, что выглядит сейчас невероятно дико, с глазами, полными слез, горящими от ужаса и стыда щеками...

И насквозь мокрыми от возбуждения трусами.

Эта последняя деталь выносит ей мозг окончательно, и девушка, не отзываясь на голос учителя, несется напрямик к выходу из колледжа, забыв там и сумку, и учебники.

Плевать, на все плевать! Главное, поскорей! Главное, подальше! Главное, не оглядываться!

Вечером дядя находит ее сумку и вещи возле двери, и, громко удивляясь разгильдяйству, приносит ей в комнату.

Керри обрывает сердце от ужасного осознания: Уокер знает, где она живет.

Весь вечер она не выходит из комнаты, не подходит к окну, опасаясь увидеть его высокую мрачную фигуру в безразмерном худи и капюшоне, надвинутом так, чтоб скрыть волчий блеск глаз.

4. Рэй

На следующий день после неслучившегося секса в библиотеке, Рэй с огорчением понимает, что все его догадки подтвердились.

Керри морозилась, пряталась от него, опускала глаза, сворачивая за угол сразу, как только он показывался на горизонте.

На совместных занятиях старалась быть как можно тише и незаметнее.

А вот Рэя уже несет. И неслабо так несет.

Глаз от нее оторвать он просто неспособен. Постоянно ищет с Керри встречи, отслеживает ее передвижения по колледжу. И это, похоже, начинают замечать. Вот только комментировать боятся. Ну, само собой, этому он не удивляется.

Что Рэй, что Шон в свое время, сумели выступить в этом вшивом городишке так, что только стекла звенели. Уокеров здесь помнили, знали и справедливо обходили десятой дорогой.

И в целом, такая слава всегда была младшему из семьи на руку. Не приставали, лишний раз не трогали, тихо радовались, что спокойно сидит на занятиях и не отвечивает.

Лишь мистер Джефферсон, учитель английской литературы еще со средней школы, переведшийся затем в колледж, прекрасно помнивший не только Шона, но и самого старшего Уокера, подошел к Рэю перед очередным занятием и похвалил, что за ум взялся, колледж решил закончить. Хоть кто-то из семьи с мозгами.

Уокер не стал разочаровывать учителя и рассказывать, что ходит он на занятия исключительно потому, что одна худая кукла покоя не дает, что стоит на нее каменно уже который день, что мысли все только там, у нее в трусах, а не в учебнике.

Отмалчивается, короче, как всегда.

Многозначительно так получается, вдумчиво даже. Мистер Джефферсон, похоже, остался доволен.

А Рэй продолжает ломать голову над исправлением ситуации. Керри от него шарахается, как от прокаженного. Даже не подойдешь, не поговоришь с ней. Как будто он раньше мог просто так это сделать!

Да он и пары слов не придумал бы!

Остается только смотреть.

И ловить подходящий момент, а вдруг в критической ситуации язык развяжется?

Ждать долго не приходится.

После уроков Рэй заглядывает в спортивный зал, чисто на автомате, не ожидая ничего такого. И застывает, замороженный.

Керри летает по ковру, легко вскидывая ноги, завихряя ленту вокруг себя, высоко подбрасывая, лоя, изгибаясь так, что, казалось, позвоночника нет у нее.

Она нереальна. Видение, бл*.

Рэй зажмуривается даже, мотает головой. Неловко переступает с ноги на ногу, успокаивая стояк.

Но бесполезно, конечно же.

Обтягивающее трико не скрывает ровным счетом ничего. Крепкая попка, тонкая талия, небольшая грудь. Затылок с забранными наверх волосами. Изящные движения ломких рук. Возбужденно горящие глаза в пол лица.

Сука!

Ну вот как можно терпеть? Никак.

Ниша рядом с залом была удобной. Темной и глубокой.

А Керри не успевает пискнуть.

Рэй рассчитывал поговорить все-таки. Для начала. Может, пригласить куда-нибудь. Как все нормальные люди делают. Но девчонка опять дергается, роя себе этим яму. Возбуждение от увиденного в зале накладывается на ощущение желанного доступного тела в руках, и крыша уезжает, не прощаясь.

Остается только жажда. Ее кожи под пальцами, ее распахнутого рта, ее тихих стонов. И Рэй погружается в эту жажду, утоляя ее неистово и горячо. И не обращает внимание на беспомощные протесты, и не думает ни о чем. Просто пьет, захлебываясь и сходя с ума окончательно. Плевать на все, пока она рядом, пока дрожит в его руках, пока стонет от его губ. Плевать.

Когда успел посадить девчонку себе на бедра, так потом и не может вспомнить. Как и не помнит, что конкретно делал с ней. Тело само реагировало, руки сами сжимали, гладили, обхватывали. Губы сами впивались, оставляя следы, до боли, до вскриков.

Каким образом он за всем этим мороком умудряется услышать голос учителя, зовущего Керри, непонятно. Но слышит. Останавливается. Ослабляет захват, немного приходя в себя.

И в очередной раз упускает свою добычу.

Херовый из него охотник!

Керри убегает, как вспугнутая косуля, забыв обо всем. Даже сумку свою бросает.

Рэй сидит, дышит, успокаивается.

В очередной раз удивляется, как так ее бережет ангел-хранитель. Не дает девчонку в обиду. Да и его от тюрьги спас. Ведь никакого, бл*, самоконтроля!

Все-таки, наверно, гены матери-шизофренички сработали. Хотя, то, что она шизофреничка, он знал только со слов отца, а тому верить вообще последнее дело.

Может, все же по их линии, по уокеровской эта хмарь идет. Деда-то своего он не помнил и не знал. А вдруг тот маньяк со стажем?

Не зря же они с Шоном такие дикие. Но брат, сколько Рэй его помнил, всегда себя контролировал. Если не под дозой, само собой. Но даже тогда соображал хорошо. И таких диких вспышек Рэй за ним не замечал. Конечно, Шон тот еще говнюк, и творил совершенно отмороженные вещи, за что и сел в итоге, но того черного страшного зверя, что сидит в младшем, у старшего не было. Не было такого, чтоб голова отключалась, чтоб в ярости себя забывал, чтоб потом удивлялся, когда рассказывали, чего творил.

И таких бешеных эмоций по отношению к бабам тоже не было.

Да и у Рэя не было. До недавнего времени.

Все было хорошо.

Пока не появляется эта анимешная кукла. Пока зверь не поднимает голову и не облизывается радостно и предвкушающе. И унять его самостоятельно Рэй уже не способен.

5. Керри

Неделю после жуткого происшествия возле спортзала ничего не происходит.

Керри, понимая, что надо что-то делать, тем не менее, никому не решается ничего сказать.

Ей страшно и стыдно.

И ночами мучают кошмары, наполненные грубыми, настойчивыми тактильными ощущениями.

Как будто он здесь, с ней, рядом. И от этого болит грудь, немеют губы и ноет низ живота, наливаясь каменной тяжестью.

Керри просыпается в поту, словно наяву ощущая на себе дикий темный взгляд.

И да, она совсем не хочет знать, что было бы, если б его не остановил тогда учитель.

Как это было бы.

Она делает успехи в спорте, поэтому на длинный уикэнд ее приглашают на соревнования в соседний город.

Живут и тренируются спортсмены эти несколько дней в специальном хостеле, что сняла Федерация.

Он в нескольких часах пути от города, на берегу прекрасного озера. Купаться еще рано, но вот гулять в свободное от тренировок время очень приятно.

Кругом почти нетронутая дикая природа, и на озеро прилетают дикие гуси.

Керри вылетает с соревнований в предпоследнем туре, но не огорчается. Она понимает, что недостаточно старалась, и вообще чудо, что ее заметили и пригласили. Ну не будет она чемпионом штата по художественной гимнастике, и ладно.

Вечером озеро особенно тихое. Луна горит, отражаясь в воде, и создавая невероятный сюрреалистичный пейзаж.

Керри кажется, что она в сказке, в каком-то другом, волшебном мире, и вокруг все ненастоящее.

Может, именно поэтому она не сразу реагирует, когда видит неподалеку от себя знакомую высокую темную фигуру.

Керри какое-то время просто смотрит, как Уокер приближается к ней, все еще, похоже, искренне считая его частью пейзажа, или частью своей фантазии, ведь из головы он у нее ни на секунду не выходит, даже во время соревнований.

Уокер застывает на секунду, смотрит на нее, как и она на него, как на привидение, похоже, совершенно не веря, что она настоящая. Одет он в темную куртку, в руках винтовка, на поясе куча всяких необходимых охотнику мелочей.

Керри внимательно и даже с удовольствием изучает его крепкую жилистую фигуру, широкие плечи, взлохмаченные волосы, думая о том, что она никогда его не видела ни в чем другом, кроме его грязного худи. Странно, что он ей привиделся в другой одежде...

О Боже!

Он ей не привиделся!

Он реально здесь!

Они идет к ней!

Прямо к ней!

Прямо сейчас!

Керри явственно ощущает, как дрожат ноги, как бьется быстро и заполошно сердце, разворачивается и бежит к корпусу. Быстрее, быстрее назад!

Ощущает резкий рывок, и, уже падая на землю, понимает, что не успела.

Уокер наваливается сверху, тяжело дышит, жадно и радостно разглядывает ее испуганное лицо.

Керри понимает, что кричать бесполезно, место довольно безлюдное, и на помощь к ней никто не придет, поэтому решает попытаться уговорить его, образумить.

Открывает рот, мимолетно удивленно понимая, что это будет первый раз практически, когда она сама с ним заговорит, шепчет тихо и умоляюще:

– Уокер, Уокер, отпусти! Отпусти пожалуйста, не надо так, слышишь? Не здесь, Уокер...

Но, видимо, она не находит нужных слов, потому что Уокер прерывает ее лихорадочный бред в присущей ему грубой манере. Поцелуем.

Керри, осознавая, что сделать она ничего больше не сможет, чтоб защитить себя, лишь обреченно стонет, когда он отрывается от ее губ для того, чтоб оставить отметины на ее шее, груди, животе, легко высвобождая ее из олимпийки, стаскивая спортивный лифчик.

Он не особенно торопится, как будто понимая, что искать ее сейчас никто не будет, что им не помешают.

Ночная трава холодит голую спину, спортивные штаны на резинке улетают в сторону поразительно быстро, вместе с его курткой и футболкой.

Он ошеломляет Керри внезапно горячей кожей тела, прижавшись голой твердой грудью, перехватывая над головой пытающиеся оттолкнуть его руки.

Ткань его джинсов, грубая и жесткая, неприятно царапает нежную внутреннюю поверхность бедер, он замирает на секунду, пытливо и пристально вглядываясь в ее глаза, и не отводит взгляда, делая внезапное резкое движение навстречу.

Боль оглушает, боль разливается по телу неконтролируемо и неожиданно. Керри кричит ему в ладонь, выгибаясь, кусая до крови, и неосознанно, на инстинктах, пытаясь избавиться от источника боли, делает попытку выползти из-под тяжелого торса Уокера, но безуспешно.

Он убирает окровавленную ладонь, не закрывает ей рот, незачем, никто не услышит, а руки и губы можно занять более приятными вещами. Он переживает чуть-чуть, понимая, что ей надо привыкнуть, что-то тихо шепчет на ушко, словно пытаясь успокоить.

Керри не слышит, уже не крича, а лишь жалобно плача под ним. Она не хочет смотреть, не хочет слышать. Она хочет только, чтоб он прекратил, чтоб оставил ее в покое, наконец.

Как в своем кошмаре, ощущает она его руки, плавно исследующие ее тело, его язык, слизывающий слезы с горящих щек, тяжесть его твердой груди на себе.

И так же, как и со сне, невозможно прекратить, невозможно очнуться от марева, длящегося так мучительно.

Рей не отпускает ее из рук, после того, как кончает, рыча и матерясь. И его большая ладонь на животе обжигает и не дает вздохнуть.

Керри уже не плачет, безвольно лежа рядом с ним на измятой траве, не чувствуя ни прохлады от воды, ни овежающего ветерка. Только жар его кожи. Невыносимый, удушающий.

И ощущает, как в испуге замирает сердце, когда его ладонь движется вверх по телу, обхватывает грудь, сжимает.

Рей переворачивает ее опять на лопатки, смотрит какое-то время в полные слез глаза, а затем тянется к губам. Керри уворачивается, тихо всхлипывая, хотя бы этим смешным сопротивлением показывая свое отношение к происходящему.

Но ее оживший кошмар это не волнует.

Потому что руки приходят в движение, забрасывая безвольные ноги на плечи, потому что опять больно, так больно, что хочется кричать, но Керри только стонет и смотрит в черные безжалостные глаза своего мучителя.

Она знает теперь, что будет видеть во сне каждую ночь. Что будет чувствовать.

Холод травы под спиной, тяжесть чужого горячего тела, резкие грубые болезненные движения внутри нее, и луну, холодно и отрешенно взирающую на нее с неба. Луну, отражающуюся в зрачках ее кошмара.

Когда утром он провожает ее к корпусу, держа за руку крепкой сухой ладонью, Керри лишь покорно переставляет ноги, сосредоточиваясь на том, чтоб дойти. Чтоб не упасть.

Она не говорит с ним, не плачет.

Она не оглядывается, когда он отпускает ее и уходит обратно в лес, лишь усмехается устало. Что же, он, наверно, неплохо поохотился.

Судя по всему, ему понравилось.

Через день, молча глядя на темную фигуру, сидящую на подоконнике в ее комнате, Керри думает, что она была права в своем предположении.

Ему точно понравилось.

Она не сопротивляется, не издает ни звука, когда он спрыгивает с подоконника, подходит, проводит грубыми пальцами по губам, заставляя их раскрыться, опускается ниже, захватывая ее пизжаму в горсть на груди и стягивая через голову.

Она молчит, когда он, больно и бесцеремонно обхватив ее мгновенно налившуюся грудь, прикусывает затвердевшие соски, тяжело дыша, подхватывает ее на руки, опускает на жалобно скрипнувшую кровать.

На секунду замирает, когда кровать опять скрипит, уже громче, под его весом, затем встает, поднимает ее, и, захватив подушки и одеяла, бросает их на пол, укладывая Керри туда же.

Теперь ничего не скрипит.

Теперь ничего не мешает.

Теперь можно делать все, что хочет.

Все, что он хочет.

Потом он курит, задумчиво разглядывая ее небогатую комнатку, поглаживая неподвижно лежащую Керри по мокрой от пота спине.

Потом уходит. Так же, как и пришел.

А Керри так и остается до утра лежать на полу, не в силах пошевелиться, не в силах пережить свой позор.

Свой ужас от осознания ситуации. И от осознания того, что он тоже это знает. Что он понял.

Что увидел, как сегодня ей было хорошо.

Что, несмотря на боль, на его грубость, на всю дикость ситуации, ей было сладко.

Невыносимо, тягуче, мучительно сладко.

Эта сладость разлилась по телу внезапно, перехватила дыхание, затуманила голову, заставила застонать громко и жалобно, так, что пришлось самой прикусывать его крепкое плечо, оставляя на нем свою метку.

Это было унижительно.

Еще более унижительно, чем то, что он с ней делал.

Потому что это, в отличие от самого секса, произошло по ее воле. Ее никто не заставлял кончать, никто не заставлял стонать под ним, выгибаться под ним, кусать его.

Она сама.

И он это увидел и понял, и ответил ей так, что она кончила второй раз, до того остро и болезненно, что от судороги даже пальцы ног поджались.

Он ушел довольным. Конечно, чего бы ему не быть довольным?

А вот как ей теперь жить, непонятно.

Решения у ситуации не было никакого.

6. Рэй

После его срыва в спортзале прошло несколько дней. Рэй все так же ходит в колледж. Не мог не ходить. Очень хотел. Но не мог. Там была возможность увидеть ее. Попытки начать нормально общаться он уже оставляет. Не с его удачей. Но хотя бы посмотреть-то можно? Просто посмотреть. Больше ничего. Ну, и потихоньку убирать всех, кто, как ему кажется, может неровно дышать к Керри. Расчищать пространство вокруг нее. Потому что мысль, что она может захотеть быть с кем-то, приносит физическую боль. Зверь внутри поднимает шерсть на загривке и рычит. И бьет хвостом.

Рэй надеется, что все пройдет само собой. Пока не проходило.

Только острее все становилось, только яростнее.

Но не может же так быть постоянно?

Нехило отвлекали от задурманившей голову одержимости семейные дела.

Старый говнюк допился до того, что заложенный дом пошел с молотка.

Рэй осознает, что вскоре придется искать себе угол. Пока что временно переезжает в автомастерскую, хорошо, что хозяин пускает. Добрый мужик. Денег не взял. Ну, так, урезал зарплату в половину. И все. Святой человек.

Папаша свалил к новой бабе. И где он их только находит, марамоек этих? И, самое главное, что они все в нем находят?

Не иначе, хваленое уокеровское обаяние срабатывает.

Шон, помнится, про это всегда заливал, особенно по пьяни. Типа, бабы любят говнюков. И чем говнянее говнюк, тем больше любят. И примеры приводил из личного опыта. Обычно Рэй в этот момент старался свалить, уж очень мерзко было.

Тем более, что на нем, судя по всему, природа отдохнула, семейной харизмы не досталось, иначе не бегала бы от него куколка, как от огня. Наоборот, после первого поцелуя потекла бы и ножки раздвинула свои.

Красивые. Точеные. Как бы они у него на плечах смотрелись, ух!

Он бы языком ступню пощекотал, прикусил мягкое местечко рядом с пяточкой, придерживая за тонкие щиколотки, чтоб не дергалась.

У нее щиколотки легко можно обхватить двумя пальцами, и еще место останется.

А потом провел бы языком по гладкой вкусной коже к коленям, бедрам, вдохнул бы ее запах... И дернул на себя, так, чтоб охнула, закусила губы свои нежные, закатила глаза, когда почувствует его в себе первый раз...

Со стояком – неизменным приятелем таких фантазий, приходилось разбираться по-старинке, потому что на шлюх Рэя по-прежнему не тянуло.

* * *

Длинный уикэнд был к месту. Работы в автомастерской не было, и Рэй рванул в лес на три дня.

Охоту он любил. Тишина, запах леса, полное ощущение отключки от внешнего мира. И мысли как-то выглаживаются что ли. На место в голове все становится. Рэй очень рассчитывал, что и в этот раз поможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.